

Литература

1. Козин Н. Г. Идентификация. История. Человек // Вопр. философии. – 2011. – № 1. – С. 37–48.
2. Корытникова Н. В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных воздействий // Социол. исслед. – 2010. – № 6. – С. 70–79.
3. Хагуров Т. А. Образование в стиле «пепси» (полемиические заметки) // Социол. исслед. – 2010. – № 7. – С. 96–103.
4. Юревич А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России // Вопр. философии. – 2010. – № 10. – С. 17–26.

СОФРОНОВ В. Ю.

СИБИРСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИГНАТИЙ (РИМСКИЙ-КОРСАКОВ) КАК УЧЕНЫЙ И ИДЕОЛОГ

Иван Степанович Римский-Корсаков родился между 1630 и 1635 гг. и более известен как митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий. Его перу принадлежит не только ряд публицистических работ, но был он еще поэтом, искушенным переводчиком и первым композитором в династии Римских-Корсаковых. «Римскими» их род стали именовать после того, как Игнатий на основе собственных изысканий доказал, что предки его находятся в прямом родстве с римскими консулами Фабиями. Его «Генеалогия» стала первым российским сочинением подобного рода и послужила зарождению в России науки с одноименным названием.

Служение свое начинал он стольником при дворе царя Алексея Михайловича, а затем неожиданно для всех принял в 1667 г. сан священного служителя. Уже после бунта соловецких монахов в 1676–80 гг. Игнатий был направлен экклезиархом (уставщиком) в Соловецкий монастырь, а с 1685 г. стал архимандритом Московского Новоспасского родового монастыря Романовых. Он свободно читал и изъяснялся на латинском и греческом языках, но при этом отдавал предпочтение чтению греческих оригиналов. В своих работах он делал ссылки на таких латинских авторов, как Цицерон, Полибий и Лукреций Кар. При этом он указывает, что в европейских университетах «греческое учение... и до днесь поучается вместе с латинским», подчеркивая, что культурная основа, общие корни европейской науки важнее, чем конфессиональная принадлежность ученых.

В Москве Игнатий оказался в гуще событий, происходящих в период регентства царевны Софьи и ее канцлера князя В. В. Голицына, начавшего привлекать на российскую службу иностранных специалистов. Причины, по которой те покидали родину,

были довольно стандартны: католиков преследовали там, где на государственном уровне исповедовалось учение Лютера, тогда как лютеране стремились покинуть страну с господствующим там католицизмом. Веротерпимость московского правительства выгодно отличала Россию от европейских дворов, где конфессиональные ограничения считались нормой. Этому также способствовал тот факт, что зарождающаяся российская промышленность нуждалась в европейских специалистах, которые в первую очередь рассматривались как знатоки своего дела, а лишь затем интересовались их религиозной принадлежностью. Но, оказавшись в Москве, они не только не отказывались от своих религиозных воззрений, но пытались приобщить к своей вере вступающих с ними в контакты москвичей. В 1684 г. по прямому разрешению канцлера В. В. Голицына в Москве началось строительство культового сооружения – кирхи-костела, – в котором богослужение могли вести как католики, так и лютеране.

Высшее православное духовенство было обеспокоено этим фактом, предвидя, что, вслед за отколовшимися от государственной церкви старообрядцами, могут последовать и другие слои населения, соблазненные европейскими «лжеучениями». Разделял эти опасения и архимандрит Игнатий, направивший свои усилия на борьбу против возрастающего влияния «иноверцев» в столице. Вместе с тем он остался сторонником «эллинской учености», но присутствие в Москве представителей иных конфессий считал опасным.

Игнатий (Римский-Корсаков) один из первых высказал мысль, на основе которой затем была сформирована государственная идеологическая платформа, что именно российское православное самодержавное царство спасет мир и станет единственным центром православия. Он считал, что необходим диалог с представителями иных конфессий, но заранее предопределял православию ведущую роль. Об этом говорится в одном из первых его сочинений «На лютеранский катехизис возобличение», где он довольно резко обличает «лютеровых еретиков», доказывает неправомерность их взглядов на иконопочитание, клятву и монашество. В другом своем сочинении «Слово на латин и лютеров, яко в Московском государстве и во всей Российской земле не подобает им костела или кирхи еретических своих вер созидать», Игнатий в более развернутом виде продолжает обличение лютеран и католиков, указывая, что «некий от первосоветников» покровительствует им в Москве, разрешив строительство культово-

го сооружения. Нетрудно догадаться, что этим «первосоветником» был никто иной, как канцлер В. Голицын.

Но если Игнатий призывает к открытому диалогу с представителями иных конфессий, то патриарх Иоаким выступал против какого-либо контакта с ними. Неприятие им конфессиональной политики Голицына прослеживается прежде всего в «Духовном завещании» патриарха, где он требует полной изоляции православных граждан от представителей иных конфессий, к которым, по его мнению, относятся «латины, люторы, кальвины и злобожные татары». В качестве оградительных мер он предлагал запретить «под казнию накрепко» упоминать иноверцам о своей вере и полностью оградить православное население от любого контакта с ними. Если Игнатий лишь пытается убедить Голицына в неизбежной опасности для Русской православной церкви открытия католическо-лютеранского храма, то патриарх выступает с позиций полной изоляции иноземцев.

Таким образом, эти два ярких представителя российской православной церкви конца семнадцатого столетия имели различные представления о векторе развития дальнейшей государственной вероисповедальной политики России. Как показал ход истории, взгляды Римского-Корсакова оказались более перспективными в этом плане, и, сохранив определенные ограничения, государство вплоть до трагических событий начала XX в. вполне лояльно воспринимало наличие на его территории общин практически любых конфессий, если они не таили в себе опасности подрыва устоев самодержавия.

И еще одно расхождение во взглядах патриарха Иоакима и Игнатия (Римского-Корсакова) отразилось в идее будущности российской внешней политики и неразрывно связанных с ней действиями вооруженных сил. Весьма непростой вопрос о правомочности военных действий непосредственно вне территории государства рассматривался тем и другим по-разному. Противоположность их позиций прослеживается в выступлениях того и другого во время проводов русских войск в Крымский поход 21 февраля 1687 г. Первым с напутственным «словом» к российскому воинству после литургии в кремлевском Успенском соборе обратился патриарх. Одновременно с ним на соборной площади перед собравшимися в поход войсками произносил напутственную речь архимандрит Игнатий. Если патриарх с соборной кафедры полемически вопрошал: стоит ли жертвовать людскими жизнями на борьбу «с оными злыми варварами», когда пределы государства

«расстояние имеют до пределов довольное», то Римский-Корсаков в своем «Слове благочестивому и христоробивому российскому воинству...» безоговорочно признавал необходимость военных действий и предрекал неизбежную победу русского оружия.

Идея речи патриарха сводилась к тому, что «никакая казнь Божия не столь страшна, тяжка людям и пагубна, как военная брань». Зато Игнатий начинает свою речь с исторического экскурса в историческое прошлое Руси. Он приводит в пример подвиги русских богатырей-ратоборцев, являвших «дивную и мужественную храбрость» в сражениях. Ставит в пример личное мужество князей Мстислава Удалого, Всеволода Юрьевича, Владимира Глебовича, Святослава Юрьевича и Дмитрия Донского. Участникам похода он предлагает: «Мужественно, храбрым и смелым сердцем, шествуете на поганых татар», чтоб тем самым расширить пределы Российской земли. Образцом для подобного «расширения» для него является царь Иван Васильевич, который «приобрел»: Казанское, Астраханское и Сибирское царства, и царь Алексей Михайлович, вернувший в состав Российского государства его исконные земли Малой и Белой Руси. Не забывает он упомянуть о небесной помощи апостола Андрея Первозванного, святых князей Бориса и Глеба и Александра Невского, святых митрополитов Петра, Алексея, Ионы, Филиппа и Сергия Радонежского.

Интересно, что патриарх Иоаким в своем выступлении не вспомнил ни о Софье, ни о Голицыне, зато архимандрит Игнатий называет их имена как главных инициаторов похода. Немаловажен и тот факт, что конечную цель военных действий Римский-Корсаков видит в освобождении Константинополя, поскольку «царство ромейское, еже есть греческое, за многое время сих настоящих времен по части переносилось в Россию», а потому призывает отвоевать «царей всея России отчинный их престол». Для него война с Крымским ханством и Турцией есть война священная: «Дело же вам предлежащее есть дело не ваше, но дело Божие»!

Возможно, благодаря разным тональностям в выступлении двух ораторов, предпочтение для заключительного обращения к войскам, остановившимся за городом у стен Новодевичьего монастыря, и вручение иконы Одигитрии, издревле считавшейся среди христиан Путеводительницей, было отдано архиепископу Игнатию. В повторном выступлении он не преминул напомнить российским воителям, что они пребывают под заступничеством самой Богоматери, которая «в своей крепости доселе пребывает и

ее утверждением врагов своих и супостатов преславно побеждает». Один из экземпляров «Слова воинству» позднее был поднесен царевне Софье Алексеевне и по праву считается одним из лучших историко-публицистических произведений XVII в.

Сказать что-то определенное об отношении архимандрита Игнатия к занятию престола Петром не представляется возможным. Во всяком случае, до нас не дошли сочинения, принадлежавшие его перу, касающиеся этого события. В марте 1690 г. патриарх Иоаким скончался. Его место по представлению, исходящему от матери Петра I, царицы Натальи Кирилловны, занимает митрополит Казанский Адриан. Сибирскую кафедру занимал в то время митрополит Павел, который 15 декабря 1691 г., будучи больным, выехал из Тобольска в Москву и умер в дороге 4 января 1692 г. Игнатий (Римский-Корсаков), известный как сторонник царевны Софьи и активный член «старорусской» партии, видимо, оказался негоден занявшим ключевые посты сторонникам реформации церкви. А потому неудивительно, что по прямому ходатайству патриарха Адриана 2 апреля 1692 г. в присутствии царей Иоанна и Петра он был хиротонисан в митрополита Сибирского и Тобольского. На свою кафедру преосвященный прибыл 12 февраля 1693 г., став восьмым сибирским архиереем и третьим митрополитом, и управлял ею в течение семи лет.

Одним из первых вопросов, с которым новому митрополиту пришлось столкнуться, – это борьба с набиравшим силу церковным расколом. Согласно отчетам церковных властей, в 1679 г. в Тобольском уезде на р. Березовке сгорело более 1700 человек; в 1682 г. в Утяцкой слободе сгорело 400 крестьян. В Верхотурском уезде подвергли себя самосожжению около 100 человек, а в 1687 г. в разных деревнях Тюменского уезда сгорело до 450 человек. Около Томска некто Шапошников уговорил пойти на смерть большое количество людей, заперев их в трех сараях, а затем поджег строения, сам он при том смерти избежал. Несмотря на преклонный возраст, митрополит Игнатий стремится посетить все отдаленные уезды, где сторонники «старой веры» проявляли наибольшую активность. Об этом он сообщает в своей челобитной царям Иоанну и Петру: «В прошлом 203 (1695) году я шествовал епархии своей в городах и уездах для проповеди св. Евангелия и истребления армянского учения» (он считал, что раскол пошел от армян. – *Авт.*). Результатом его многочисленных поездок стали три «Послания», адресованные к старообрядцам, в которых он довольно подробно описывает историю церковного раскола.

Митрополиту Игнатию принадлежит весьма важный шаг в установлении добрососедских отношений между Россией и Китаем. Случилось так, что после того, как в 1685 г. китайские войска разрушили на Амуре пограничный город Албазин и увели в плен около 100 казаков и вместе с ними священника Дмитрия Нестерова, поселив их близ Пекина, возникла необходимость в исполнении пленниками православных церковных обрядов. Когда посланник Петра I в Китае Елизарий Избрант, находясь в Пекине в 1693 г., попросил китайского императора о постройке для пленных православного храма, то получил на это согласие. Храм был построен, но освящать его оказалось некому по причине смерти священника. Узнав о том, митрополит Игнатий направил в Китай верхотурского священника Григория и тобольского соборного диакона Лаврентия с церковной утварью и всем необходимым для освящения храма. В результате в Пекине была освящена православная церковь во имя Софии Премудрости Божией, в чем без сомнения усматривается ее духовная связь с Тобольским кафедральным собором одноименного названия.

Пришлось митрополиту Игнатию пережить и ряд невзгод, постигших православную церковь уже в первоначальный период правления Петра I. Именно на это время пришлось лишение сибирского духовенства и монастырской братии целого ряда привилегий: им было отказано в руге (царском жаловании), запрещено беспошлинно ввозить для собственных нужд соль с Ямышевского озера, что привело если не к обнищанию епархии, то к значительному снижению ее материального уровня.

Не все благополучно складывалось в отношениях между митрополитом и гражданскими властями. Причиной конфликтов стали бесчинства так называемых десятильников, которые являлись наместниками преосвященного в епархиальных округах и, по сути дела, ведали всеми церковными хозяйственными делами, допуская при том множество нарушений. Подобные нарушения происходили не только в Сибирской епархии, а потому еще в 1675 г. на Стоглавом соборе было принято решение о назначении десятильников только «из лиц духовных». Но сибирские архипастыри из-за нехватки духовенства вынуждены были назначать на столь важные должности преимущественно лиц гражданских из детей боярских, которые не были в прямом подчинении духовным властям и больше заботились о собственном благополучии, чем о делах церковных. Все это привело к тому, что в Москву на митрополита посыпались многочисленные жалобы. В результате Петр I в 1697 г. делает строгое замечание митрополиту Игнатию.

Серьезный конфликт возник между митрополитом Игнатием и тобольским воеводой Андреем Федоровичем Нарышкиным (двоюродным дядей Петра I), зарекомендовавшим себя среди современников как «великий развратник, грабитель и варвар». Митрополит неоднократно обращался к Нарышкину с различного рода «увещеваниями» как в устном, так и в письменном виде, но, не дождавшись раскаяния воеводы, пошел на крайнюю меру и отлучил его вместе с семейством от церкви.

Во время нахождения митрополита Игнатия на тобольской кафедре произошло весьма знаменательное событие – обретение святых мощей праведного Симеона Верхотурского, ставшего вторым (после Василия Мангазейского) сибирским святым. По имеющимся сведениям владыка Игнатий первоначально не был склонен к его канонизации, но впоследствии изменил свои убеждения и признал святость праведного Симеона.

В конце 1699 г. митрополит Игнатий был вызван в Москву для очередного служения при патриархе. В начале марта 1700 г., по словам современников, он неожиданно заболел, что якобы выразилось в расстройстве его рассудка, потере сна и отказе от приема пищи. 16 марта в келье патриарха Адриана он оскорбил его «неистовыми словесы в лице и злословил без всякие правды». Затем он вышел в крестовую палату, где собрались архиереи для возведения в архиерейский сан Стефана Яворского и их также «бесчестными словесами поругал, а также и домовых моих людей священного чина и служителей поносил», – жаловался царю патриарх Адриан. Митрополита поместили в Чудов монастырь, а затем перевели в Симонов монастырь, где он и остался до дня своей смерти 13 мая 1701 г.

На вопрос о так называемой «болезни» и «неистовстве» пресвященного нельзя ответить однозначно. Если принять во внимание те перемены в сфере церковной жизни, которые произошли, пока митрополит находился в Сибири, то «неистовство» его вполне объяснимо и понятно, почему он обрушил «бесчестные словесы» на патриарха Адриана, считая его виновником тех перемен. К тому же вполне вероятно, что сибирский владыка мог составить свое мнение о Яворском, который не скрывал, как он легко менял веру православную на католическую и наоборот, и вряд ли митрополит Игнатий был согласен с возведением его в архиерейский сан. Так или иначе, но причин для гнева у митрополита оказалось предостаточно. Тогда, не найдя иных аргументов для урезонивания Игнатия, прибегли к весьма действенному спосо-

бу, признав его сумасшедшим. Так потомок римских консулов стал первым из русских писателей, которого объявили сумасшедшим.

Хотелось бы добавить к сказанному, что на Сибирской кафедре митрополит Игнатий был последним представителем из числа архиереев «старорусской партии», вслед за тем назначаемы на нее были чуть ли не весь восемнадцатый век выходцы с Украины, подверженные изрядной доле влияния западных воззрений, с которыми в свое время боролся славный представитель рода Римских-Корсаковых, которым их римские корни не мешали стать людьми истинно русскими по вере и убеждениям.

Литература

1. Абрамов Н. И. Корсаков, митрополит сибирский // Странник. – 1862. – Вып. IV.
2. Богданов А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Армения Суханова // Источниковедение отечественной истории. – М., 1989. – С. 175–205.
3. Богданов А. П. От летописания к исследованию. Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / подгот. текста, ст. и аннот. указ. источников А. П. Богданова. – М., 1994.
4. Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1993. – Вып. 6. – С. 165–248.
5. Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья / сост. А. Т. Шашков, В. И. Байдин. – Свердловск, 1991. – Т. 1, вып. 1, 2.
6. Сулоцкий А. // Тобольские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12. – С. 263–278; № 13. – С. 287–298.
7. Труды Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. – Л., 1985. – Т. 40.
8. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» // Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. – М., 1988.
9. Шашков А. Т. Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. – Свердловск, 1991.
10. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский / И. А. Шляпкин. – СПб., 1891.

ТОКТОМАТОВ О. К.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФАНАТИЗМ»*

Фанатизм в настоящее время стал поистине, в связи с терроризмом, глобальной проблемой. Частое проявление фанатизма, которое можно наблюдать в современном мире, говорит об актуальности и необходимости изучения фанатизма как общественного явления. Феномен фанатизма сегодня изучен недостаточно

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).